18+

Остров бабочек

Роберт Мальков

Роберт Валерьевич Мальков
Остров бабочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29560240
SelfPub; 2018

Аннотация

В вымышленном городке Кашкино странным образом сталкиваются интересы крупных олигархов, западных структур и неоязыческой секты. Волей случая простой школьный учитель биологии Дионис Оскольников вовлечён в этот опасный водоворот. Искренне полюбив Ирину Румберг, участвующую в сомнительной деятельности, Дионис готов ради неё на всё: даже на участие в древних ритуалах, чреватых для него жизнью. Эта книга о борьбе за Россию, трудной любви главного героя и гендерных противоречиях. Окрашенная лёгкой эзотерикой, она поднимает экологические проблемы и тему тайны творчества. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо вступления 5
Остров бабочек. α 27
Битва на Курукшетре 42
Остров бабочек. β 58
Конец ознакомительного фрагмента. 72

О, сказка ставшая, поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, с которых стёрлась пыль!
Константин Бальмонт.

Вместо вступления

Собственно, почему «Остров бабочек[1]»?.. Ведь то место, которое я обозначил в своем блокноте огрызком кохиноровского карандаша как *Остров бабочек*, на самом деле никаким и не было островом, а только живописным лугом (что-то в духе картин Николая Дубовского), расположенного за цепью подобных лугов и лужков, постепенно начинающихся за массивным лесопарком, который примыкал к неприметным строениям нашего райцентра. И хотя там разноцветных чешуйчатокрылых летуний в погожий летний день и в самом деле порхало видимо-невидимо, раньше мне не приходило на ум этот топоним, посещаемый мной уже несколько лет, вдруг назвать столь изящным названием. В конце концов, можно же его было бы обозвать как-нибудь иначе, что более соответствовало моим графоманским наклонностям. Например, *Оазисом Отдохновения*, *Лугом Наслаждений,* или ещё каким-нибудь выспренним определением, похожим на названия книг для душеполезного чтения. А то сразу остро-

---

[1] Когда писал название книги, то в начале описáлся, и написал не *Остров бабочек*, а *Остов Бабочек*. Улавливаете разницу? Тоже неплохо! Великолепный образ. Надо будет его как-нибудь развить. Об этом говорит и выше обозначенный эпиграф. Представляете? На уже осеннем лугу лежат скелеты прекраснейших существ на свете. Но об этих последствиях, вызванной естественной трансформацией можно порассуждать и попозже. Теперь же об идее, связанной с моими переживаниями на самом *острове* и об этом *острове*.

вом, да ещё и бабочек, которых, кстати, на других подобных же полянах наших обширных парков водилось также в немереном количестве. Но если посторонний наблюдатель поближе познакомился бы с моей натурой, легкомысленно-поэтической, абсолютно непрактичной, чуждой всяких треволнений мира, то он быстро бы уловил в моём случае значение этой метафоры: моя луговина, окружённая соснами, выделяющими целебные для лёгких и сердца фитонциды и озон; шелестящая душистым разнотравьем, опыляемым гудящими шмелями, пчёлами и теми же самыми бабочками, – всегда для меня была волшебным островом (L`isle joyeuse[2]), где такой пустой прозябатель жизни, как я – в сущности, беззаботный мотылёк или бабочка, – старательно укрывался от бурь и житейских волн сего бесчеловечного века с его железной хваткой бультерьера. И если это название возникло у меня совсем недавно в связи с конкретной ситуацией (речь о которой впереди), то, видимо, суть его вызревала постепенно, и лишь в один прекрасный день нашло в адекватном выражении в моей душе, замкнутой, как улитка, и одновременно жадно ищущей в свободно порхающих существах некой духовной женственности, к тайне которой меня влекло всю жизнь.

Теперь заострю внимание на самой идеи *женственности*, ибо ей в книге отведена одна из главных ролей и суждено будет раскрыться в полной мере именно в пределах вселен-

---

[2] Остров радости. (фр.) Фортепианная пьеса К. Дебюсси.

ной *Острова бабочек*.

Здесь я попытаюсь лишний раз доказать, что ипостаси сущности: Матерь, материя, мати, – качественно не имеют большой разницы. Они предстают разными только в нашем слишком рациональном сознании. В реальности же они тождественны. Их цель вмещать в своём лоне невидимые духовные узы и противоположные полюса враждебного мира. Именно эту одинаковость я прилежно и пытался постичь среди умиротворённой природы: в шелесте трав, в треске кузнечиков, в кружении легкокрылых жеманниц. И именно её я и постараюсь показать в противоречивых идейных линиях этой книги. Ниоба, Прокна, Данаиды, Елена Троянская, Лукреция[3], Сафо, Клеопатра, Лесбия[4], мученица Екатерина, Ипатия, Феодора Византийская[5], Батильда[6], леди Годива[7], Офелия, Евпраксия, Жанна д′Арк, Мумтаз-Махал[8], Мария Стюарт, Шарлота Корде, боярыня Морозова, Мадам

---

[3] Секст Тарквиний (сын древнеримского царя Тарквиния Гордого), пленившейся красотой добродетельной патрицианки Лукреции, изнасиловал её. Лукреция рассказала обо всём мужу, и заколола себя при нём.

[4] Под этим именем Катулл называет свою возлюбленную.

[5] Супруга Юстиниана. Жизнь была по-своему трагична этой «Феодоры из борделя». Ей принадлежат слова: «Царская власть – лучший саван». Канонизирована константинопольской церковью.

[6] Франкская королева (VII в.), жена Хлодвига II.

[7] Англо-саксонская графиня, жена Леофрика, эрла Мерсии, проехала обнажённой на коне по улицам Ковентри ради того, чтобы её муж снизил непомерные налоги своих подданных.

[8] Именно в память о ней Шах-Джахан соорудил мавзолей-мечеть Тадж-Махал.

де Ламбаль, Катарина Хенот[9], княгиня Трубецкая[10], То́ска, Софья Перовская, Зоя Космодемьянская, Нур Инайят Хан[11], Марлен Дитрих, Маришка Вереш, принцесса Диана, Снежана Даутова[12], – всё это многообразные лики женской сути, с одной стороны имеющие признаки Инь, с другой – Пракрити[13]. Она может представать перед нашим взором царственно-величавой и возвышенно-духовной, чувственно-распутной и анемично-хрупкой, кокетливо-легкомысленной и стоически-мужественной. И во всём этом жертвенность, харизматичность, готовность к некому подвигу – телесному или духовному. Это надо понять. Хотя бы постараться. Не пойдём по стопам Иосифа Бродского, и не будет опускаться до подобных стихов о Марии Стюарт, как бы они талантливы не были.

Твоим шотландцам было не понять,
чем койка отличается от трона.

---

[9] Судили за колдовство в Кёльне в 1627 г. Подверглась пыткам, но ни в чём не призналась. 28 июня 2012 г. муниципальный совет Кёльна восстановил честное имя Хенот.

[10] Екатерина Трубецкая, последовавшая за мужем декабристом в Сибирь.

[11] Отец был индийским принцем, мать – белой американкой. Во время Второй Мировой Войны работала разведчицей на оккупированной Франции. Расстреляна в концлагере.

[12] Одесская укротительница, растерзанная тиграми.

[13] Если китайская Инь предстаёт пассивным женским началом, то в индийской доктрине санкхья женская ипостась Пракрити по отношению к мужскому пассивному Пуруше предстаёт активной и деятельной.

В своём столетьи белая ворона,
для современников была ты блядь.
Что немец, закусивши удела,
поднимет старое, по сути, дело[14]*:*
ему-то вообще какое дело,
кому дала ты или не дала?

Уж больно грубо. Дала. Не дала. Зачем в поэзию внедрять этот пошлый бытовизм? Неординарные женщины с их трагическими судьбами не заслуживают такого фамильярного преломления в эгоцентрическом творчестве. Разве я не прав? Духовный мир каждой из них слишком глубок, чтобы так небрежно прикасаться к нему в порыве самовыражения. Думается, поставленную проблему (мир противоречивой женственности) правильнее было бы раскрывать сквозь призму радикального и изломанного дуализма, название которого звучало бы, хотя бы как название культового релиза Black Sabbath «Heaven & Hell[15]». Ибо, мы живущие в период распада материи и души (но не Духа!), когда все понятия и нормы приобретают не свойственные им значения, должны отдавать себе отчёт, что любое слово, не взвешенное на весах мысли со всеми его смысловыми оттенками и мемами, и легкомысленно исторгнутое вовне, в бездну, ещё сильней исказит Истину, и приблизит мир к окончательному распа-

---

[14] Немец – это Шиллер, написавший гениальную драму о Марии Стюарт.

[15] «Рай и ад».

ду, распаду как органическому, так неорганическому.

Прежде, чем перейти к непосредственному повествованию, хотелось бы отметить ещё одно обстоятельство. Эта книга, где причудливо переплетаются правда и вымысел, явь и сон, искренность и шутовство, имеет некую попытку познать изнанку жизни: биологическую, физиологическую, психологическую, социально-политическую и другое. Впрочем, обозначенные аспекты скрепляются детективным каркасом, чтобы читатель, несклонный к философским раздумьям, следя за увлекательными (смею надеяться) перипетиями сюжета, всё-таки смог дочитать книгу до конца. Повторюсь, произведение противоречиво, и вследствие этого не совсем цельно, в отличие от моего первого романа[16] (со вторыми романами всегда так), отдельные отрывки могут показаться притянутыми за уши, и сама форма романа не обладает полнотой и завершённостью, точь-в-точь как в средневековой китайской живописи. Но там это несовершенство было художественным принципом, а здесь – некоторой несостоятельностью в осуществлении окончательного замысла. Слишком много было у автора в данном тексте претензий на открытие каких-то глубинных знаний, которые на деле так и остались нераскрытыми. Может быть, автор лет через десять, если он не переселится в «лучший» мир, перепишет и дополнит свой труд так же, как это сделал Джон Фаулз с

[16] «Волки окружают Владимир».

«Волхвом». А может, и не будет ничего здесь трогать. Зачем? Вдруг со временем станет ясным, что первый вариант «Острова бабочек» со всеми его незавершённостью и фрагментарностью как раз такой, какой и нужно для выражения паттернов хаотичного мира, где между вещами и словами существует огромная дистанция (позабыл, как этот феномен называется лингвистами), и душа человека силится что-то уяснить для себя в ускользающих событиях, но попытки эти тщетны, ибо мир разбит на кусочки, как античная ваза, и всякое его склеивание и, соответственно, восстановление имеет эпизодический характер – ведь форма, однажды уничтоженная, уже лишена «объективного статуса» и существует только в нашем сознании (воспоминании). К данному высказыванию можно добавить цитату Германа Мелвилла: «… только мелкие сооружения доводит до конца начавший строительство архитектор, истинно же великие постройки всегда оставляют ключевой камень потомству. Упаси меня Бог довести что бы то ни было до конца! Вся эта книга – не более как проект, вернее, даже набросок проекта».

…Свеча, горящая в алтаре, да не опалит таинственные свитки

Боги Карфагена да освятят божественны Тунис!

17

Вечером в ресторане «Тунис» нашего родного города Кашкино мы с физиком Лёнькой Сомовым, трудовиком Иг-

---

[17] Напомню, развалины Карфагена находятся на территории Туниса.

натичем, англичанкой Женечкой и историчкой Татьяной Ивановной справляли рождение внука Игнатича. Из всего школьного коллектива, кроме нас он позвал ещё физрука Василия Матвеевича и психологичку Валерию Тарасовну. Василий Матвеевич не смог прийти из-за огородной страды, где ползал раком по своим двенадцати соткам, а Валерия не пришла из-за неприятия поведения Игнатича на корпоративах, ибо знала, что когда он напьётся, то ведёт себя *некультурно*: громко смеётся, ковыряет вилкой в зубах, поёт матерные частушки. Одним словом, ведёт себя неадекватно. Это не совсем было справедливым. То, что он любил выпить – это, конечно, верно. Но главное в нём было всё-таки не это. Главное было то, что наш трудовик являлся человеком не от мира сего. А за это, согласитесь, можно многое простить. То он задумает летательный аппарат смастерить из своего старого «запора», то несколько раз предпринимал попытки выдвигаться депутатом в Думу от ЛДПР, то в День Восьмого Марта всех многочисленных женщин нашей школы одаривал открытками с цветастыми стихотворными поздравлениями собственного сочинения, то хотел завести у себя в квартире нильского крокодила, то в своей программе, наряду с описыванием обработки деревяшек, пространно излагал трудовую жизнь Конфуция, то пытался издать за счёт областного департамента культуры первый том своих мемуаров [18].

---

[18] – Как папа? – спросил Муми-тролль.– Получше, – улыбнулась мама. – А теперь, малыши, не шумите, потому что с сегодняшнего дня папа начинает писать

Вот и сегодня не обошлось без странностей.

Рождение внука он решил отпраздновать в кругу педагогов, которые друг с другом никак общались, а Женечка с Татьяной Ивановной были даже в конфликте из-за того, что не поделили бесплатную путёвку в санаторий. Даже между Василием Матвеевичем и Лёнькой Сомовым были прохладные отношения, из-за того, что Лёнька упорно ставил трояки по физике сыну Василия Матвеевича Ромке, учившегося в нашей школе. Лишь я кое-как поддерживал с присутствующими и отсутствующими маломальские компанейские контакты. И то на меня смотрели с подозрением из-за постоянных трений с директором школы. И всё же вышеуказанные учителя не отказались от предложения Игнатича участвовать в торжестве. Во-первых, не выпить на халяву для русского человека всё равно, что уронить себя в грязь лицом. Во-вторых, несмотря на все чудачества, Игнатича уважали, полагая, что в нём дремлют недюжинные силы. Правда, его кипучая деятельность не достигала цели, но может быть, в его потомках его разрозненные таланты обретут цельность, и тогда Россия услышит о новых Келдышах и Вернадских? С надеждой, что во внуке Игнатича наконец-таки воплотится нечто выдающееся, и собралися мы в упомянутом «Тунисе».

Надо сказать, этот «Тунис» интересным было заведением. Только не понятно, почему именно Тунис? Ничего тунисского, и вообще арабского в заведении не имелось, кроме,

---

мемуары. (Туве Янссон. «Мемуары Муми-папы»).

пожалуй, Люси́ Таракановой, которая часто исполняла там танец живота. А так в просторном помещении с выходом на террасу все аксессуары представляли собой предметы русской старины: на полах длинные половики, на стенах колёса от телеги и грабли, на потолках старинные паникадила, на столах с льняными вышитыми скатертями стояли канделябры со свечами. Вот такая получается эклектика. Люси крутит животом в стилизованной огромной русской избе. Оригинально, надо сказать, смотрится.

Игнатич пригласил педагогов на семь часов, хотя сам там находился уже с шести. И когда все пятеро пришли к назначенному сроку, Игнатич был уже навеселе. На столе с горящими свечами стояла наполовину опорожнённая водка «Обломов» родного вино-водочного завода. Кроме водки на столе помещалась закуска из порезанной селёдки в буром маринаде.

– Саадитесь, дорогиие гости, – растягивая слова, сделал широкий пригласительный жест рукой Игнатич. Его блестящие глазки смеялись, плешина лоснилась. – Сейчас выпьем, закусим, а опосля девчонки горяченького принесут.

Первые пришли пунктуальная Татьяна Ивановна (историчка) и я. Через пять минут подтянулись Лёнька Сомов (физик), и Женечка (англичанка).

Кроме нас в заведении присутствовало полсотни человек. Самые запоминающиеся это дембель-погранец при полном параде с компанией дружков, уже успевших вернувшихся на

гражданку, и три небритых джигита, гортанно спорившие о чём-то на своём наречии. Всё остальное обычные провинциальные обыватели, ловящие нехитрые удовольствия от мимолётной жизни.

Когда мы уселись, то сразу, как полагается, выпили из водочных рюмок за здоровье внука Данилы, закусили селёдкой. Женщины только пригубили. Явно ждали «благородных» напитков. Лёнька Сомов, парень лет тридцати, с золотой цепочкой и в джинсовой рубахе, нагнулся ко мне и шепнул:

– Дионис Валентинович, знаешь, почему Василий Матвеевич не пришёл.

– Догадываюсь, – сказал я, занюхивая хлеб после принятой рюмашки.

– Знаешь, каким волком он в последнее время на меня смотрит?

– Догадываюсь, – сказал я, намазывая горчицей хлеб.

– Он теперь против меня и директора настраивает.

– Слушай, Леонид. Да поставь ты его Ромке один раз четвёрку.

– Этому балбесу? Да ни в жизнь! Я после этого себя уважать не стану.

Что я тут мог ему ответить?

– Ну, тогда не ставить.

– А директор? – сделал страшные глаза Сомов.

Надо же, хочет и принципы соблюсти и не усложнять себе

жизни! Дилемма! Только это не то место, где решают такие глобальные вещи. В конце концов, тут же не Давос!

Я повернулся на другую сторону, где скучала Женечка, некрасивая возраста Лёньки молодая женщина. Коротко остриженная и толстая, наряженная в брючный розовый костюм и затянутая поясом с блестящей бляшкой, она внимательно слушала попсовую песню, звучащую из колонок возле аппаратуры звукорежиссёра, лысеющего угрюмого мужика с обвислыми усами. Заунывная песня располагала к тому, чтобы у неё, с истерзанной душой Сони Мармеладовой, была возможность в сотый раз презирать примитивных мужчин за то, что, они, увиливая за вертихвостками, до сих пор не желают замечать её, обладательницу такого щедрого душевного богатства.

– Женечка, а почему вы не закусываете? – мягко обратился я к ней.

– Ах, оставьте этот сочувствующий тон. Лучше дайте мне прикурить.

Когда она вынула дамскую сигарету и манерно поднесла её к губам, я зажёг зажигалку. Прикурив, Женечка выпустила длинную струю дыма.

Татьяна Ивановна, дама лет сорока пяти, чувствуя себя весьма уверенно в своём новом стильном голубом платье с глубоким вырезом, в ложбинке грудей котором блестел овен, знак её зодиака, и с причёской «аля Горгона», недовольно заметила ей с другой стороны стола:

– Милочка моя, женщина не должна курить. Это аморально во всех смыслах. Говорю вам как своя. Другие вам вместо этого скажут какую-нибудь пошлость .

– Ах, оставьте, – пролепетала Женечка. – Может, я хочу умереть.

– Эх, не грусти, ягодка, – засмеялся плешивый Игнатич и громко шмыгнул носом. – Найдём мы тебе жениха.

– Ах, оставьте, – Женечка аккуратно притушила недокуренную сигарету о пепельницу в виде лаптя. – Никто мне не нужен. Ибо не те сейчас пошли мужчины. Не той генерацией. Кругом одно убожество, вырождение.

Мы с Лёнькой переглянулись, почувствовав укор совести.

– А вот и горяченькое несут, – потёр руки Игнатич, не придавший абсолютно никакого значения словам Женечки. – Первая перемена блюд.

Прыщастая и очень худая девушка в белом батнике и серой юбке оригинального фасона, где сзади помещался пикантный бантик, а спереди ряд больших, обтянутых тканью пуговиц, уже раскладывала с подноса фасолевый суп. Но «благородные» напитки не появлялись. На столе по-прежнему стояли несколько бутылок водок марки «Обломов». Две пустые бутылки находились уже под столом. Из динамиков зазвучал какой-то российский хит девяностых. Когда был съеден суп, на середину зала вышел высокий курчавый парень в жёлтой блестящей рубахе и под минусовку запел весёлую и беззаботную песню об экзотической стране, экзотиче-

ском море, экзотической любви. От слов куплета *«От поцелуя шоколадки Меня трясло, как в лихорадке»* , сильная половина нашей компании ринулась в опасные мужские фантазии, ибо Сцилла и Харибда серой обыденности в любой момент могла напомнить о себе в виде жён с небезопасной для черепа шваброй в руке. Все мы, исключая Татьяну Иванову, глубокомысленно задымили. Курили в основном американские сигареты, лишь патриот Игнатич смолил «Приму». Над нашим столиком стоял вьющийся густой дым. Жизнь представлялась такой же туманной и унылой, как туман над гиблым болотом. Историчка морщила нос, но ничего поделать не могла, ибо находилась в меньшинстве. Она уже покаялась, что пришла в это злачное заведение, но уходить сразу было неудобно.

После песни кучерявого парня начались танцы. Люди вставали с полными животами и, рискуя получить заворот кишок, неистово отдавались призывным страстям дико ревущей из динамиков музыки. Дембель-погранец, громко бахвалившийся перед дружками о своих подвигах на казахской границе, решил размяться. Друганы поддержали его почин. Терпсихора живо завладела слабыми на соблазны человеческими сердцами. Через минуту уже отплясывала половина посетителей «Туниса».

Мы сидели, пили, курили, точили лясы и ждали следующую перемену блюд. Наконец, принесли жаркое с посыпанной петрушкой и ещё чем-то. Опять выпили. На этот раз

выпили и дамы, смекнув, что вино в программе не предусмотрено. Приняв стакан, Женечка вдруг повеселела и пошла танцевать, извивая свои моржовые телеса под судорожный ритм какой-то доморощенной психоделики.

А Лёнька Сомов опять полез ко мне со своими отношениями с физруком. От выпитой водки его бледно-голубые глаза покраснели. На лоб с глубокой морщиною пал рыжик сальный чубчик.

– Ведь он же даже не знает разницы между потенциальной и кинетической энергией. Пусть скажет мне спасибо, что я ему двойки не ставлю.

– И скажет, – успокаивал я Сомова. – Куда он денется.

– А вот ты, Дионис, послушай, что он в мае выдал, – не унимался Лёнька, воодушевлённый тем, что внимают его жалобам. – Ядро атома энергии содержит меньше энергии… Нет, это не то. А! Вот! Любая энергия обладает массой. Так? Масса есть мера инертности тела, а энергия – мера его способности совершать работу. Так? Тфу! Что-то я не туда забрёл…

Лёнька был уже хороший. Во рту его болталась потухшая сигарета.

– Нет, ты должен это понять, – дёргал меня за лацкан единственного моего парадного костюма опьяневший физик.

На десерт принесли какую-то сомнительную на вид липкую жижу. Но Лёнька на неё не обращал внимание. Даже

смахнул в неё пепел. Он уже не замечал своей бестактной навязчивости. Моей спасительницей оказалась Люси Тараканова.

Когда массовик-затейник объявил номер с танцем живота, протрезвели даже самые пьяные, имеющие стеклянные глаза и сочащиеся носы. Лёнька Сомов сразу от меня отстал.

В цент ресторанного зала, который сразу был освобождён танцующими, в свете лучей заходящего солнца, вышла полуголая и босая дама. Бюстгальтер и трусики разноцветно блестели и дрожали такими же разноцветными висюльками. Ногти на руках и ногах были раскрашены ярко красным лаком афинской гетеры. Сама дама застенчиво тупила глазки. Из колонок зазвучала арабская музыка. Под барабанный бой и бренчания двухструнного дутара флейта наигрывала типично восточную мелодию. Сначала Люси показала владениями полными руками, которыми она волнообразно жестикулировала, а потом в ход пошли другие части тела: длиннноволосая голова в золотистой диадеме и с бриллиантовыми (я так полагаю) серёжками моталась из стороны в сторону; ноги энергично и замысловато сгибались в коленях; бёдра и таз сладострастно подёргивались и извивались; живот с проколотым пуком призывно колыхался. Воздух вокруг эротической танцовщицы быстро наэлектризовывался. Магнетизм её пульсирующего тела распространял атмосферу султанских покоев. Два раза во время танца Люси пробегала из одного конца зала в другой, словно предлагая, чтобы кто-

нибудь погнался за ней. Но никто не отважился. Все были загипнотизированы её чарами. Только за столиком с тремя джигитами, один порывался броситься, но рядом с ним сидящий удержал слишком горячего парня, наверно, полагая, что лучше будет, если ей потом предложить деньги. Тем временем полуголая дама опустилась на колени и легла спиной на пол. Танец закончился.

Зал разразился аплодисментами. А дембель-погранец, оправляя китель с аксельбантом и значком классности, встал со своего места и, раскрывая довольный рот, нескоординированно, как дети младшей группы детского сада, хлопал большими мозолистыми ладонями.

Люси долго кланялась, посылала воздушные поцелуи в разные стороны зала и, наконец, убежала, оставляя после себя запах мускуса, пота и фиалкового дезодоранта. И пока все были под очарованием танцовщицы, никто не увидел, как бесшумно на середину зала выскочила тройка джигитов и стала выплясывать лезгинку. Двое были гибкие, как барсы, третий – с брюшком, от этого он вносил некоторый диссонанс в отточенные движения своих соплеменников. Он только выбрасывал вправо и влево руки и топал как кабан. Остальные, хищно щуря чёрные глаза, ходили на носках, резко разворачивались, подпрыгивали и так же, как и тот, с брюшком, выбрасывали в стороны руки, сжатые в кулаки. Музыкального сопровождения не было, но движение гостей с Кавказа были красноречивей всякой музыки. Видимо Лю-

си взяла их за живое – за сердце, а может, гораздо ниже.

Народ по-разному реагировал на эту темпераментную вспышку южной натуры. Кто-то увидел в этом что-то экзотическое, своеобразное продолжение танца Таракановой, и с живым интересом наблюдал за ними. Другие никак не реагировали, будто на рекламный ролик в телевизоре. Только им было не понятно, что они рекламировали. Может, пыльные ботинки или потные зелёные шёлковые рубашки? Третьи, отнеслись к этому с недовольством и даже с враждебностью. Чо они тут себе позволяют! У нас так не пляшут. У нас присядка, хоровод, вот танец живота. А это что? Пускай едут в свой аул и выпендриваются друг перед другом, если такая нужда имеется. В числе последних был и дембель, который всё ещё стоял, но уже с налившимися, как у быка, глазами наблюдал за расходившимися южанами.

Вдруг он нехорошо ухмыльнулся, плюнул в сторону и решительно пошёл в сторону танцующих джигитов.

Игнатич потёр руки и сказал нам:

– Сейчас будет самый интересный номер программы. Не зря я вас сюда пригласил.

– Они что? Будут драться? – брезгливо поморщилась Женечка. – Уж, точно бесплатный цирк. Как раз к водке с селёдкой.

– Нужно срочно вызвать милицию, – заявила близкая к панике Татьяна Иванова, и негодующе повела плечами.

– Цыц, – ударил по столу пьяный в стельку, и от этого по-

терявший чувство реальности Лёнька. – Хочу видеть гладиаторский бой. Хочу, чтобы кровь лилась рекой.

Надо же, – подумал я, – сказал рифмой наш физик-лирик. Видимо, водка «Обломов» верное средство для выявления скрытых поэтических способностей.

А между тем между джигитами и дембелем со товарищи уже происходила словесная перебранка. Остальной народ не встревал, с нетерпением ожидая мордобоя. Как-никак, бесплатное зрелище! Джигиты злые тем, что, их, распалённых, остановили так грубо, не дав докончить лезгинку, и это смело можно было считать унижением их национального достоинства, петушисто выпячивали грудь и, брызжа слюной, выказывали своё презрение противоборствующей стороне.

– Ты чо се позволяешь, – восклицал погранец. – Здесь мой род испокон века жил. А ты откуда взялся, чебурек с фаршированным ..?

– Мнэ наплэвать, – петушился самый наглый джигит. – Я там, гдэ хорошо, гдэ есть дэнги. А мой фаршированный … плачэт по твоей ж…

– Сука, я тебя сейчас за такие слова, – накалялся погранец.

– Сам сука, – ответил джигит.

– Ты чо? А ну вытер, – вдруг осатанел дембель.

Видно, у джигита было обильное слюноотделение, и, сказав последнюю фразу слишком темпераментно, каплей своей слюны угадил погранцу на плечо с ядовито зелёным по-

гоном.

– Что не будешь вытирать?

– Вытру, когда твою маму…

Южанин не успел договорить кощунственный глагол. Быстро протрезвевший дембель своим кулачищем нанёс удар по золотозубой физиономии джигита. Последний было увернулся, но удар был такой стремительный, что кулак успел задеть по смуглой скуле уворачивающегося кавказца. Этого было достаточно, что бы южанин полетел в сторону. Два остальных джигита тут же загорелись идеей мщения, и в свете вечернего солнца, проникающего через открытые окна, зловеще блеснувшие ножи. Дембель и его дружки побежали брать деревянные стулья, чтобы поскорей размозжить черепа диких детей гор. Раздались женские крики. И неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы вдруг не появился наряд милиции, вызванный очевидно администратором ресторана. Увидев представителей закона в бронежилетах и шлемах, погранец с друганами покорно поставили стулья на место. Джигиты тоже сникли, рассуждая, что всё равно откупятся.

Милиция с дружками дембеля и с джигитами прошла в комнату администратора составлять протокол.

Снова зазвучала музыка, но никто уже не танцевал. Все вяло обсуждали произошедшее, жалея, что дело не дошло до драки с пущенной юшкой.

– Вы как хотите, но я ухожу, – категоричным голосом за-

явила Татьяна Ивановна. Ну, что ж! Как говорится, вольному воля. Мы угрюмо наблюдали, как она удалялась в своём стильном платье и причёской «аля Горгона», нервно стуча каблуками. Сразу за ней, быстро сунув в сумочку пачку сигарет и телефон, ушла и Женечка.

Все понимали, что пора расходиться. Игнатич не возражал. В принципе мероприятие по празднованию рождения его внука можно было считать состоявшимся, проведённое на оценку пять с плюсом. Укорять себя было ему не за что. Всё было: и зрелище, и еда, и водка рекой лилась. Вон как физика Сомова развезло, даже приходится специально вызывать для него такси и звонить жене, чтобы она его встретила. Я, пивший понемногу, чувствовал себя вполне себе ничего. Но всё равно надо было «крутить педали». Я ещё раз поздравил Игнатича, поблагодарил за приглашение и, вмяв чинарик «Кэмела» в пепельницу-лапоть, помахал трудовику на прощание рукой, оставив его в одиночестве. Кто знает, может, ему сейчас одиночество и нужней всего. Так лучше ему обдумывать механизм нового летального аппарата, или второй том своих мемуаров, или ещё что-нибудь. Это же Игнатич!

Идя домой по светлым ещё улицам моего родного Кашкино, мимо деревянных домов, утопающих в садах, я отмечал звуки зорянок, славок и пеночек. Созерцая порхающих бабочек, моё сердце, сердце натуралиста, наполнялось ликованием. По проезжей части сновали иномарки вперемешку

с отечественными доисторическими драндулетами, отравляющими свежий воздух с дурманами цветов оксидами азота, серы и свинца – смесью, формулы которой я затруднился бы составить. Парацельс, наверно бы, извлёк бы из этого свой плюс. Во всём можно найти свой плюс. Надо только настроить себя на лучшее. Чем я и занимаюсь всё время. Для более убедительного ощущения *лучшего* можно было бы завернуть в овраги. Там сейчас щёлкает «маленький волшебник белой рощи», как когда-то пел незабвенный Лев Лещенко. Но некогда. И так в «Тунисе» задержался. Дома хлопоты, дела, труды. Пройдя мимо возящегося в песочнице и пускающего пузыри карапуза, и, умилившись его непосредственности, я совсем уже было забыл об обитающей рядом опасности. Но тут-то, уже почти у кирпичных стен моей пятиэтажки, таящейся за садами, она как раз и возникла. Неожиданно дорогу мне преградил Серёга Мухин с двумя бугаями. У меня ёкнула селезёнка и подогнулось ноги. Опять двадцать пять. Писец подобрался незаметно. Хотя какие у нас песцы? Песцы это в Мурманской области. В Кашкино только п…цы.

Остров бабочек. α

Шесть часов. Нежаркий субботний летний вечер. Тени. Полутени. И свет. Неистребимый, как сама жизнь. Чистый, прозрачный, немного хмелящий, словно первый цветочный взяток мёда…

Я сидел на мягкой мураве, подобрав под себя, как мусульманин на молитве, ноги, и записывал в тетрадь сиюминутные, фиксируемые монохромными чёрточками, мысли, которые мне надиктовывала древняя природа. Надиктовывала не монотонным голосом классной дамы, а влажным шелестом трав, мелодичной трелью жаворонка, тихим журчанием холодного ключа, жужжаньем уже ненавязчивых насекомых, запахами цветов, спеющих ягод, терпкой хвои и речного затона, смешанных в один сложный состав луговым ветром. *Я учился траве, раскрывая тетрадь, И трава начинала, как флейта, звучать*. Всё, всё навевало покой, мечты, светлые воспоминания. За стеной недалёкого молодого сосняка угадывалась даль необозримых просторов. Луковка далёкой, почти игрушечной церковки огненно блеснула в стороне. Везде свет. Неизреченный свет. И даль. Манящая даль. Эге-гей! Кто там? Как вы там? Господи, благодать-то какая!.. Пока на восток не спеша плывут ещё не обременённые дождевой влагой облака; пока ещё от зоркого глаза не укрываются алые бисерины земляники, словно бы просящи-

еся в рот или в руки, для изготовления бус своим любам; пока лучистая энергия солнца ещё растворяется в плотяных сосудах, чтобы сообщать живительное движение кровеносным телам, – иллюзии земного счастья нет конца. Мир в такие минуты предстаёт удивительно совершенным и справедливым. Хочется петь, смеяться, дурачиться, или только упасть на спину, приминая податливые ещё, не сухие, стебли овсяницы и мятлика, и, закрыв глаза, ни о чём не думать, лишь вспоминать обрывки мелодий композиторов, которые особенно точно передают пантеистические ощущения души. Это могут быть и фрагменты Шестой симфонии Бетховена, и Пастораль Онеггера, и Первая часть Второй скрипичной сонаты Грига, и До-мажорная прелюдия Прокофьева, и лирическая часть Седьмой симфонии Глазунова, и Первая симфония Малера, и Третий концерт Рахманинова, и многое чего другое. Жизнь, вчера казавшейся ограниченной и серой, вдруг обретает многогранную палитру и полноту. Да, больше не думать, не рассуждать, не рефлексировать по любому поводу, чтобы просветлённому, неотягчённому лишними проблемами, в себе можно было открыть бездну неисчерпаемых сил и глубоких замыслов. Ведь часто в наше время приземлённая мысль идёт не на пользу смыслу. Раскрытию его, оказывается, могут способствовать невнятные ощущения, домыслы, небылицы, сновидения, или другое – торжество, упоение, восторг перед чудом мироздания! Подобной гносеологией, к примеру, пользовались в своём понима-

нии тайны мира пантеистический мыслитель Ральф Эмерсон и космический поэт Уолт Уитмен. Нет, не случайны эти выводы, ибо во всём иррациональном всегда существует рациональное зерно. Вот порхают бабочки, возится в пестике цветка шмель, тянет сок из растения кузнечик, и дела им нет до макроэкономических показателей и банковских операций, ибо руководствуются мудрым инстинктом, который на деле может оказаться вовсе не инстинктом, а непонятным нам разумом. В общем, живут, как положил им Создатель, в полной гармонии с природой, по всемирному закону, когда материальное и духовное пропорционально уравновешены и не предстают в угнетающем антагонизме.

Я встал, чтобы размять затекшие ноги. Покачался с носка на пятку. Потянулся. Зевнул. Заправил пёструю рубаху в джинсы. Провёл пальцами по небольшой бородке. Над лесом замысловато кучерявились облака. Запах лугов меня пьянил, наверно, так же, как и насекомых. Вон как гудят непоседы! «Мохнатый шмель на душистый…» И тут мне буквально сорвало крышу! Фу ты! Он! Несомненно, он! Parnassius Apollo!

Он качался на луговой гвоздике и однообразно-ритмично, словно они у него были механические, раскрывал и складывал удивительной красоты крылья – округлые белые, с палевыми прожилками и с чёрными и красными пятнами. Чёрт, это же *Аполлон обыкновенный*, если я что-нибудь ещё способен понимать в энтомологии. Какая редкость! Я осторожно приблизился к месту его приземления с явным желанием

сцапать любителя нектара. Такой уж я! Не могу пройти мимо красоты, чтобы в честь неё не пропеть дифирамб, или, как теперь, не ухватить её. Конечно, сачком было бы безопаснее для крылышек и ножек нежного существа, но у меня с собой сачка не было. В конце концов, Аполлон сам виноват. Нечего ему так меня дразнить. А то прилетел, понимаешь ли, и демонстративно, перед самым моим носом кичится своей богоизбранностью. Вот сейчас я к нему незаметно подберусь, наклоню корпус навстречу опускающемуся солнцу, резко черкну по воздуху ладонью, собранной в горбушку, и… Но не успел я проделать и шага, как Аполлон вспорхнул с цветка и полетел от меня в сторону. Что там ни говорите, это телепатия, свойственная таким мистическим существам, как насекомые. Он почувствовал, что я хочу его пленить, и пожелал остаться на свободе. Но и я тоже не тамбовская оглобля. Вон как раззадорился! Упустить такую добычу? Нет, дружок! От меня не уйдёшь!

Произнеся по себя эти слова, я быстро кинул тетрадь в сумку-чемоданчик («атомный» чемоданчик), закинул её за плечо и бросился его догонять. Азарт сообщил моему телу упругость, а движениям быстроту реакций. Я должен его поймать! Так, наверно, представитель племени масаи преследует в саванне антилопу. Из-под моих ног вылетали ошеломлённые бабочки и рассерженные шмели. Я был сущий демон. Но как я ни старался его изловить, он, порхающий обманными зигзагами, делал ловкие манёвры. Видимо, он так

забавлялся надо мной, дразнил, потому что, когда я уже подбегал к просеке в сосновом лесу, мой Аполлон вдруг взвился вверх и понёсся поверху вдоль окрайка леса. Я удручённо посмотрел ему вслед, как смотрит охотник-неудачник вослед удаляющейся добычи.

– Невероятно! Я вижу живого Паганеля, – вдруг сзади меня раздался молодой женский голос. – Боже мой, да вы ведь потеряли кроссовку, ха, ха, ха! В наше-то время такое экстатическое самозабвение! Даже не верится!

Я ещё не успел отойти от потрясения, связанного с потерей драгоценной бабочки, а тут тебе на голову свалилось новое испытание. Меня, сорокалетнего лба, кто-то застаёт за столь легкомысленным занятием. Тяжело дыша, я недовольно повернулся. На меня, улыбаясь, смотрел худенький миловидный очкарик женского пола. В руке он держал пластмассовое ведёрко на две трети заполненное земляникой. Увидев моё угрюмое лицо, девушка провела ладонью по длинному подолу своего красного в белый горошек платья и приняла более серьёзную мину.

– Примите моё сочувствие, – неожиданно грудным голосом сказала она. – Видимо, это был весьма ценный экземпляр.

– А с чего вы взяли, что я коллекционирую бабочек, – ответил я, уже оправившийся от шока, что не вполне было правдой. Я отошёл немного в сторону, где валялась моя вторая найковская кроссовка, запихнул в неё ногу и возвратил-

ся к девице.

– Бабочек-то, милая девушка, ловят, вообще-то, сачками, – отчего-то решил я присовокупить, будто я этим ей открывал Америку.

– Кто вас знает, может, у вас свой способ лова, – тут же отреагировала девушка в очках. – Может, обучились особому методу гипноза. Для насекомых. Гм?

– Нет, – отпарировал я, – этому методу я не научен. А то бы я сразу загипнотизировал всех комаров, чтобы они не съели вас в вашем платьем с короткими рукавами и в ваших босоножках.

– Да уж, комарики любят меня сладенькую, – сказала, нахмурившись, девушка. И опустив ведёрко, хлопнула себя по руке, потом по приподнятой лодыжке.

– Знаете, что? – предложил я. – Коль уж вы наткнулись на меня, увидевшего, что ваше занятие по сбору земляники проходит не в столько комфортных условиях, давайте вместе дособерём ваше ведёрко.

– Это было бы здорово, – загорелась она. – А то как-то стыдно возвращаться с неполным. Кстати, как вас зовут? Меня Ириной.

Быстро она, однако, сходится с людьми. Как же! Продвинутый продукт современной социальной коммуникативной селекции. Такой палец в рот не клади. Отхватит все пять.

– Так как же мне называть своего помощника? – повторила вопрос Ирина, и с любопытством воззрилась на меня, буд-

то я был какой-то редкой достопримечательностью, на фоне которого фоткаются туристы.

– Дионис, – ответил я и тут же смутился. – Дионис Оскольников.

– Это правда? Или вы меня разыгрываете? – усомнилась Ирина.

Я отрицательно покачал головой.

– Истинная правда. – И в качестве подтверждения своих слов, театрально приложил правую ладонь к сердцу. – Моему отцу в молодости довелось отведать вино марки «Танцующий Дионис»…

– Что, так вино понравилось? – перебила меня Ирина и хлопнула себя ещё раз по лодыжке и по шее, окаймлённой белым воротником.

– Не. Вино не понравилось. Имя понравилось.

– Странный, однако, у вас родитель, – задумчиво сказала она.

– Может быть. Но родителей себе не выбирают, – ответил я. И понизив голос. – Тем более, отца сейчас нет в живых. Поэтому о промахах мёртвых лучше промолчим.

– Простите меня, если я своей необдуманной речью принесла вам невольную боль.

– Да ладно. Чего уж там. Давайте скорей собирать ягоды, а то эти вампиры высосут из вас всю кровь.

– А из вас? Или у вас голубая кровь?

– Нет! Самая, что ни на есть красная. Но я уже привык к

их покусам. А вы, полагаю, ещё нет.

– Это действительно, – ответила она. – Хотя я не представляю, что к этой экзекуции можно привыкнуть.

Ирина взяла ведёрко и мы молча начали собирать ягоды. Во время собирания я нет-нет, да и поглядывал воровски на Ирину. Да, ничего не скажешь. Аппетитная девица! И очки ей удивительно идут. Синие глаза с небольшими ресницами. Жиденькие русые волосёнки, в которые сзади она вплела голубую ленту, нисколько не умаляли её эффектности. Червоточина красному яблочку не покор. А тонкий стан, небольшая грудь, и тонкие продолговатые пальцы с красиво очерченными ногтями, приводили на память изящные статуэтки прежних времён. Очень соразмеренная фигура. Непринуждённо и ловкие движения вызывали какую-то зависть. Под красным в белый горошек подолом угадывались грациозные ножки, идущие от соблазнительно округлых бёдер. И кожа. При наклонных лучах солнца она особенно меня поразила. Намёк на смуглость и пористость жаждали нечаянных прикосновений. Ах, если бы! Но мне уже сороковник, а ей на вид только двадцать пять. Да и под семейным седлом я. Мой удел затравлено грызть удела. Классный каламбур! Не стыдно ли сивому мерину разглядывать молоденьких-то кобылиц? Вот натура! А? Подавай ему свеженьких сливок. Боже мой! Что же я так быстро влюбляюсь?

– Вот мы уже и собрали, – прервала мои печальные думы своим радостным возгласом Ирина. Она посмотрела на ча-

сики. – За двадцать минуть управились. Ну, спасибо, Дионис… или лучше… Денис?

– Нет, – возразил я. – Пусть будет как в паспорте. Зачем искажать, что уже начертано не только в паспорте, но и в душе неизгладимой матрицей?

– А вы мистик, оказывается. Ну что ж, Дионис, так Дионис.

Наставала минута прощания. Но я хотел ещё немного побыть в обществе этой прехорошенькой бойкой девушки. Не правда, что перед смертью не надышишься. Ещё как надышишься! Надо было на что-то решаться.

– Ирина, – вдруг набрался я храбрости или, учитывая мой семейный статус, наглости. – Вы не будете против, если я вас… кх, кх… так сказать, провожу. Вы, наверно, живёте не очень далеко отсюда.

– Угадали, – улыбнулась она своей очаровательной улыбкой, открыв ровный ряд белых зубов. – Я живу, точнее, гощу, в двух километрах отсюда. И я буду вам очень признательна, если вы на полчаса сыграете роль благородного рыцаря, проводив меня до дому моей тётки, которая сварит из этих ягод варения. Обожаю земляничное варение. Оно такое душистое с этакой пикантной горчинкой. Вкуснятина!

– Да, пожалуй, – согласился я…

Мы медленно шли по пахучей просеке, едва не соприкасаясь плечами друг с другом, вминая в песочный грунт старые шишки и иглы своими подошвами. Ирина осторожно несла

полное ведёрко. Я небрежно влачил «ядерный» чемоданчик с тетрадью, полную всяких умностей. Закуковала кукушка. Я захотел было загадать желание, но тут же суеверно отринул этот риск. На душе было волнительно и тревожно. В голову начала лезть какая-то дурь. В горле пересохло. Сколько же можно молчать? И тут, после пяти минут молчания, будто услышав мою мольбу, Ирина спросила:

– Если вы не коллекционируете бабочек, зачем вы хотели её поймать?

– Как вам объяснить? Кх, кх, – прокашлялся я. – Я увидел редкую в наших краях бабочку. Но, видите ли, кх… Ирина, мне мало просто упиваться созерцанием красоты. Я хочу её потрогать, ощутить. Хотя бы на миг насладиться обладанием ею.

Ирина недовольно наморщила лобик:

– Но ведь так вы могли ненароком сломать хрупкую красоту. Странный вы человек. Вот так же у Джона Фаулза в «Коллекционере». Один сумасброд похитил красивую девушку, которая ему нравилась. Но тем он её и убил[19].

Тут я решил выпендриться, и процитировал Тютчева:

---

[19] Эту идею можно дополнить образом Чио-Чио-Сан, прозванной Мадам Баттерфляй (из оперы гениального Пуччини), прелестного и наивного японского мотылька, которого легкомысленно погубил беспринципный лейтенант американского военного флота мистер Пинкертон. Симптоматично, что действие происходит в Нагасаки (начало XX-го в.); меньше чем через полвека подобные Пинкертоны превратят цветущий Нагасаки в огненный ад, опаляя огнём и облучая радиацией мириады невинных мотыльков.

– О как убийственно мы любим, Как в буйной слепоте страстей Мы то всего вернее губим, Что сердцу нашему милей!

– Нет, вы очень странный человек, – повторилась Ирина.

Мы прошли в молчании ещё какое-то время. Потом повернули направо, где стволы сосен, медно-красные от отражения в их стекающих смолах июньских лучей, уже начали расступаться и вдалеке показались несколько домов Загородного парка.

Теперь я решил уже первым прервать снова начинающее меня гнести молчание.

– А вот Набоков тоже увлекался бабочками. Даже открыл несколько видов. А одну из голубянок назвал именем своей Лолиты.

– Слышала, – неохотно отозвалась Ирина. Видно, она размышляла о чём-то сокровенном . – Как называется этот раздел энтомологии, что изучает бабочек? – спросила она без видимого интереса.

– Лепидоптеролорией, – ответил я. – Но вас, кажется, это мало занимает.

– Ах, извините, – вышла она из оцепенения. – Просто задумалась. Со мной часто так бывает. Встретишь необычного человека. Сначала радуешься ему. Ну, что он не такой, как все. А потом…

– А потом? – повторил я.

– А потом… суп с котом! – вдруг резко переменилась в

настроении Ирина. – Вы лучше послушайте, как соловьи поют. Смотрите, уже пошёл лиственный подлесок. Тут-то они и обосновались. В Кашкино соловьи какие-то аномальные. Поют в конце июня. Вот вам и красота. Обладайте ею, сколько вам хочется. Правда, её нельзя ощутить на пальцах.

– Всё-таки, Ирина, вы не досказали свою мысль. Хотя я не имею никакого права…

– Дионис, дело в том, что у каждого необычного человека, кроме светлой стороны, есть ещё и тёмная. В принципе, это у всех людей. Но у обычных, хоть и не такие зияющие высоты, зато и не такие глубокие бездны. Вот и всё. И давайте замнём эту тему, а то мне придётся отказаться от вашей услуги. Лучше поговорим о вашем луге. Признайтесь, вы там часто бываете?

– Да. Довольно часто.

– А как, например, вы его называете?

Я пожал плечами.

– Да никак. Хотя… постойте. Эврика! Представляете, только что, мне пришла мысль назвать его *Островом бабочек*? И знаете почему? Вот гуляю, наслаждаюсь природой, дышу, что называется, дачным воздухом. Вокруг роятся пчёлы, бабочки. Прекрасные бабочки. И вдруг появляется королева этих бабочек. Психея. Нет, не та, которую я не поймал, а в виде красивой девушки.

Я исподлобья взглянул на Ирину. Она чуть покраснела, но быстро справилась с собой и сказала:

– Ну и? Честное слово, мне интересно, куда заведёт вас ваша фантазия.

Потерев виски, я продолжил:

– Я тогда понимаю, что этот луг её владение. А луг на самом деле вовсе и не луг, а остров красоты и совершенства, окружённый коварным морем искусственной человеческой цивилизации. Вот такое у меня аллегорическое мышление.

– Хм, – улыбнулась Ирина. – В прошлом году я отдыхала в Греции. Там я узнала, что на острове Родос есть питомник для бабочек. Только море там светлое и доброе. И остров райский, и море райское. Разные стихии. Разные, но не противоречащие друг другу. Понимаете? А у вас стихии противоречащие, как основы бытия у манихеев.

– Просто я остро вижу грань, разделяющую добро и зло, – серьёзно сказал я. – И не столько в мире, сколько в себе самом.

– Представляю, – заметила Ирина. – Как вы любите копаться в себе!

– Увы, есть такой грешок, – горько усмехнулся я. – Поэтому я так люблю эту луговину, которую три минуты назад я назвал *Островом бабочек*. Там я сливаюсь с миром, уходит рефлексия, беспокойство. *Всё во мне, и я во всём!*..

Ирина остановилась и процитировала:

– *Тогда смиряется души моей тревога, Тогда расходятся морщины на челе, – И счастье я могу постигнуть на земле.* Спасибо, что проводили меня и заняли интересной беседой.

Теперь я пойду одна.

Мы находились возле асфальтной дороги, вдоль которой с обеих сторон группировались частные домики, где ветхие деревянные мешались с новыми, кирпичными.

Вдруг я испугался, что могу упустить Ирину навсегда, как ту бабочку. Нет, этого я допустить не мог. Поэтому, преодолевая застенчивость, выпалил:

– Ирина, я…

Но она меня перебила:

– Я знаю, о чём вы хотите спросить. Отвечаю, не знаю. Сегодня суббота. Может быть, в следующую субботу в это же время буду гулять на *Остове бабочек*. Я говорю, может быть, потому что до конца не уверена. Если обстоятельства сложатся благоприятно, мы встретимся, если не сложатся, то нет. Мне надо многое обдумать. Первый шаг неизбежно ведёт ко второму, а там и к третьему. Всё очень сложно. Так что, пока удовлетворитесь тем, что имеете. И ещё. Если меня в следующую субботу не будет, не старайтесь меня разыскать. Вы этим ничего не добьётесь.

И с этими словами она, не попрощавшись, развернулась и пошла по обочине дороги, заросшей чернобыльником и крапивой. А я, несчастный влюблённый, (Боже, уже влюблённый!) грустно наблюдал, как она удаляется вызывающе уверенной походкой, признак, по которому многое можно было понять в её характере. За первым поворотом дороги, где надменно гулял пёстрый петух, показывая мне, что всё здесь

принадлежит ему, Ирина скрылась.

Битва на Курукшетре

[20]

Был воскресный день… Милый летний воскресный день…

Сколько уже таких милых воскресных деньков кануло в Лету!…

Мы с Серёгой Мухиным стояли в толпе из пятисот человек… Стояли на центральной площади нашего затрапезного города с ласковым названием Кашкино, где происходил митинг, организованный партией «Народ – это всё!», формально против подорожания коммунальных услуг, на деле же против существующего стоя, и хмуро наблюдали, как из подъехавших шести «пазиков» расторопно высыпали плечистые омоновцы в полной экипировке: шлемы, дубинки, щиты, всё, как положено в таких случаях. Компактно, мобильно и надёжно. Машина из плоти и пота. В качестве смазки одеколон служебной инструкцией не предусмотрен – ни наружу, ни внутрь. А как же иначе? Это же элита внутренних войск. *Я б в спецназовцы пошёл. Пусть меня научат*. Ребята то, что надо – без сантиментов. Мастера на все руки. Они и дубинкой смогут сыграть по позвонкам, как на ксилофоне,

---

[20] Знаковая битва между семьями Кауравами и Пандавами, описанная в Бхагавадгите. Именно там Кришна наставляет принца Арджуну. «Если ты кшатрий, не бойся поднять руку на родичей».

и яичницу сварганить из твоих причиндалов, и пройтись по тебе вприсядку не хуже артиста из фольклорного ансамбля «Лапти Ярилы».

Долговязый, сутулый, с несуразно выпирающими мослами Мухин, самозабвенно прижимающий к груди, как священный кобылий бунчук Чингисхана, наскоро обметанное красное полотнище, кажется, даже обрадовался. На его вытянутом большеротом лице, обозначилась издевательская ухмылка. Бесшабашно тряхнув цвета перепревшей соломы волоснёй, которую я не рискнул бы назвать причёской, он свободно расстегнул молнию лёгкой ветровки, открыв когда-то белую футболку с не соответствующей моменту надписью «Think less live more» и закурил беломорину, блаженно втягивая в свои прокопчённые лёгкие крепкий рабоче-крестьянский дурман. Я же, чувствуя скорую развязку, особенно не хорохорился, не выпендривался. Чо тут выпендриваться, когда нафиг уже примеряешь к своим хрупким рёбрам хлёсткие удары резиновых дубинок? Я только сильнее прежнего ухватился за грубо обструганное древко, как утопающий за соломинку, на табличке которого зияла вызывающая темперовая надпись «Ещё не упились народной кровью, вампиры?».

Да уж, втянул меня Муха в переделку! *Не думал, не гадал он, Никак не ожидал он…* Ёксиль-моксиль, я же поэт, можно сказать последний романтик нашего затерянного в кондовой стоеросине города, нежнейшая душа, может быть, неж-

нее шейных позвонков Марии-Антуанетты, глубоко впечатлительная натура, до которой, как до музейного экспоната, нельзя даже пальцами дотрагиваться. Чурило Плёнкович в шёлковых лапоточках. Какой там из меня к е… бабушки борец с социальным злом. Ну, Мухомор! Сидеть твоему роду до седьмого колена на ставке инженера за подлое вероломство! Выперла всё-таки изнанка его кальсон с пятном на заднем месте! А ещё друг, называется!

Но, если по-честному, в друзьях с Мухиным – Мухомором или Мухой, по детскому прозвищу, я никогда с ним и не числился. Просто поддерживал с ним приятельские отношения. Как-никак с трёх лет до нынешнего сороковника жили мы с ним в одной кирпичной, убийственно правильной геометрической формы пятиэтажке, даже учились в одной школе, правда, в разных классах, вместе играли в салочки-пятнашки, воровали яблоки в соседних садах, стреляли из рогаток по помойным крысам. Однако, ради справедливости, нужно признать, что при всех наших шалостях он, в отличие от меня, был отличником и образцовым пионером, а потом и комсомольцем, и это всегда вызывало во мне белую зависть. Он постоянно состоял в совете отряда школы, вносил знамя дружины, сидел за столом с графином в актовом зале, зачитывал на политинформациях из газет о происках мирового империализма, вёл задушевные беседы с будущими октябрятами, отчитывал уклонистов за не собранный металлолом и т. п. Это идеологическая закалка не прошла

втуне. Впоследствии она помогла ему в отличие от многих из нас сразу же распознать катастрофическую эрозию, обозначающуюся на теле государства от экспериментов горбатого реформатора. Последующий же ельцинойдный развал державы и подлая чубайсовская приватизация сделал его не просто противником, а ярым врагом кремлёвских политтехнологов. Даже вроде бы обнадёживающие нулевые не смягчили его отношения к правящему слою. Уже имея семью, детей и работая инженером на мебельной фабрике, он нёс в себе, как проказу, принципы классовой непримиримости, которые проявлялись во всевозможных социальных акциях, часто довольно агрессивных, за что всегда находился в поле зрения известных структур и не раз привлекался к административной ответственности. Тут даже родные были бессильны. Например, четыре года назад, его крутая тёща, пытаясь приструнить слишком идейного зятя после очередной позорящей семью акции, сорвала на нём, что называется, собаку. Дорого ей встала эта выходка! Мухин, не говоря ни слова, взял её сушащиеся в ванной любимые рейтузы, вышел на балкон, сжал их в комок и кинул со всей дури прямо с пятого этажа. Цветные рейтузы, раскрывшись, как парашют, приземлились на верхних ветках клёна. Так и висят до сих пор как символ классовой ярости.

Что касается меня, то власть я тоже люто ненавидел и презирал. Уж что-что, а презрения она была достойна, хотя бы за одно то, что, у неё не хватало политической воли разделать

одним махом мясницким ножом олигархат, как убоину патологически разожравшейся свиньи. Но я старался избегать шумных мероприятий, ограничиваясь лишь философскими выводами, что, мол, всё само собой образумится и Россия, как мистическая Птица Сва, рано или поздно выберется из рыночных силков и вновь полетит по привычному ей маршруту за ясным солнцем вслед, где бойцу на дальний пограничный передаст писания древних волхвов. Но как бы я не избегал политических сборищ, иногда, после идейного пропесочивания меня Мухиным, я принимал участия в них, но исключительно экономического характера. В этом была моя принципиальная позиция.

А что же сегодня? Сегодня вроде бы намечалось то же самое. После очередной мухинской обработки, я, признавая правоту тезиса, что одними благими намерениями ситуацию не изменить, решил принять участие в этой акции. Ведь уверял же меня Серёга, что митинг согласован с властью, и звучать там будут только требования по восстановлении разваленной промышленности. («Раздолбали, сволочи, весь индустриальный потенциал. Всё, вплоть до последней гайки, за зелёную плесень продали!») Но по пути на митинг, Серёга, вдруг прекратив зубоскалить и скандировать навеянный ему не меньше, как свыше и показавшийся чрезвычайно остроумным экспромт «Раздолбали разъе…и!», посерьёзнел и с покрывшимся пятнами лицом по-деловому известил меня, что акция не санкционирована властями. Вот те, бабушка, и

Юрьев день! Интересное кино. К этой неожиданной информации прибавилось ещё и тот прискорбный факт, что требования выдвигались не экономические, а сугубо политические: поменять нахрен власть региональную, а вместе с ней и столичное правительство. Мягко скажем, лопухнул меня Серёга. Пользуется мною, как ему заблагорассудится, а я как лопух, только, смущённо морщась, прошу побольше выдавливать вазелина. Огромное пролетарское ему за это спасибо! Мои декадентские настроения не могли не ускользнуть от Мухина. Увидев мою кислую физиономию, он, злобно откусив от своего сжатого кулака волосок и тут же его выплюнув, прожёг меня своим принципиальным взглядом, где в его рыжих радужных оболочках я увидел себя мелкой букашкой, и гнусавым голосом начал изобличать меня в несознательности, что я, мол, такой-то и сякой-то, и живу, дескать, в иллюзорном мире, и что я трутень из трутней, и на всё-то мне наплевать. Ведь я даже не имею представление, что подобные акции партией были запланированы по всей стране, в столице и во многих крупных областных центрах. Сейчас по всей стране многие тысячи, а может, и миллионы, сплотились плечом к плечу, чтобы сказать решительное «нет» преступному правительству, и в этот судьбоносный момент он на моей роже лишь видит печать мещанского верноподданного малодушия. Тоже мне! А ещё поклонник бунтаря Вагнера! Ох, знал, чем уязвить меня Мухомор. Ох, как знал! Пришлось придать своему лицу выражение классовой сви-

репости, такой, какой я её понимал, вроде выражение сторожа Лютича из охранного предприятия «Zigfried[21]».

Всё правильно. Серёга здесь не погрешил против истины. Страсти в стране бушевали не аховые, если её волны накрыли даже нашу районную, покрытую архивной пылью и плесенью глухомань. Мне к чему-то в связи со всей этой катавасии пришло на память «концептуальная» причина невозможности человека вырваться из мира порочной материальности, именуемой *Волнением дхарм* (моя первая большая поэма, написанная ещё в институте.) *Если прекратится волнение дхарм, то должна наступить полная…* Стоп! Кто произнёс сей ориенталистический перл?… *то должна наступить полная…* прострация-кастрация. Она же нирвана. Однако, нам это надо? Не надо. Дырявый бушлат засунь себе в зад. Страсти живое воплощение анархической славянской природы. И опыт (сын ошибок трудных), когда неизвестно, куда тебя в следующий момент зашкалит, можно посчитать весьма ценным для последующего его применения, между прочим, к творчеству в том числе. *«Ничего не проходит бесследно. Даже нежная щуплая бледность».* Фу, рифма неточная. Бесследно/ бледность. А так ничего. Можно сказать, даже здорово. Здорово ещё и потому, *что все мы здесь сегодня собрались*. И я, и Муха, вон и взяточник мэр, и Богдан Сиротин, и ОМОН. В самом деле, здорово! АМОН – отдаёт не просто мумифицированным Древним Египтом, а более

---

[21] Zigfried (искаж. нем.) – Зигфрид (Siegfried).

основательным – железобетонной инсталляцией из музея поп-арта. Это уж точно не охранное предприятие «Zigfried» с вечно пьяным Лютичем.

Пока омоновцы, словно охотники за скальпами, выстраивались в хитроумный боевой порядок ирокезов, с трибуны у микрофона, на фоне утопающего в разросшемся черёмушнике основательно покосившегося памятника Ильичу, ожесточённо ораторствовал руководитель местной ячейки «Народа – это всё!» Богдан Сиротин. Несмотря на свои солидные габариты, он был чрезвычайно подвижен, чуть ли не как диск-жокей из ночного клуба «Блонди». С взлохмаченной бородой, злобно сверкая выпученными глазами и немилосердно терзая узел галстука, словно ему не хватало воздуха или его мучал призрак почившей жены, он срывающимся голосом кричал в микрофон:

– То, что у вас, господин мэр нет совести, это общеизвестно. Но то, что у вас отсутствует смелость, ясно стало только теперь. Это же уму непостижимо! На беззащитных стариков бросать своих цепных псов? Вот он, где момент истины! А ещё стоит в церкви с огромной свечой и целуется с румяным архимандритом. Но это всё гнусная ложь! Вот я атеист, а по натуре больший христианин! В отличие от вас я читал и Евангелие и «Капитал», и знаю, что собака всегда возвращается на свою блевотину. Так идите обратно, откуда вы явились, и не мешайте мирному протесту трудящихся. Ибо от вас, как от дьявола, пахнет тухлыми яйцами. Да, да,

собака возвращается на свою блевотину, сказал Христос. А Маркс сказал, что пролетариату нечего терять, кроме своих цепей! Способно ли, вы, закостеневший в своих преступлениях, понять эту аллегорию? Нет, вы ни к чему не способны, кроме ваших афер! Мне стыдно, что я живу с вами в одном городе, что я когда-то работал с вами на одном заводе, который, кстати, благодаря вашей политике ныне является банкротом! Хороша политика! Нечего сказать! Продажа активов других предприятий города через подставные конторы? Что вы на это скажите, господин мэр?

Мэр города, Павел Пеленовский, с седым ёжиком и мелкими усиками, находящийся на другой стороне дороги, у жёлтого классицистского здания казарменного типа с припаркованных к нему несколько навороченных внедорожников, среди милиции и некоторых официальных лиц, делая вид, что это его не касается, вертел головой в разные стороны, слегка поглаживая свой шикарный итальянский костюм, словно счищая с себя дерьмо, которое на него лепил этот политический гороховый шут. Лишь изредка он делал какие-то реплики милицейскому полковнику, который многозначительно кивал. До приезда омоновцев мэр испытывал даже лёгкий мандраж, точь-в-точь такой же, когда получал крупную взятку от строительной фирмы «Эскуриал», но как только на площади появились омоновские «пазики», мэр почувствовал прилив свежего воздуха – у него даже затрепетали крылья носа, крупные, пористые и багровые. Самодовольная

улыбка заиграла и на полных чувственных губах, которые привыкли к тонким винам и поцелуям красивых женщин, и в маленьких и хищных, как у хорька, глазках засветилась надежда на скорое отмщение. Сейчас пойдёт работа, грязная, как работа ассенизатора, ибо указания из центра были самые жёсткие. Толпу физически подавить и разогнать, а зачинщиков и самых рьяных смутьянов задержать. Пеленовский, словно капитан на шканцах, уже указывал пальцем командиру омоновцев на Сиротина, словно на вершину опасного айсберга, или точнее, как на коварного кита, которого надо немедленно загарпунить.

По толпе, в которой, кстати, стариков-то почти и не было, а считай, одни мордовороты, наэлектризованной риторической истерикой Богдана и предстоящей дракой с ОМОНом, прошла судорога, как по препарируемой лягушке. Молодые люди, набычившись, смотрели на парней со специфическими спецназовскими шевронами, и древки от флагов и табличек, на которых, кроме лозунгов, были приклеены портреты Ленина, Троцкого и Брежнева, готовы были пустить в ход, как оружие пролетариата.

– Вот она – генуэзская пехота, – злорадно тараторил Серёга, перемалывая челюстями конец потухшей папиросы. – Нет! Тьфу! (папироса вылетела изо рта) Крысы! Жаль, рогаток нету. А то мне хотелось бы послушать, как гайки прозвенели бы по их тевтонским *шлёмам*.

Я не нашёл в себе достаточного и мужества, чтобы под-

держать энтузиазм Мухина. Я только печально подумал, что обаяние чудесного июньского дня должно пропасть, увы, уже из-за неизбежного побоища.

А день и впрямь выдался волшебный, прямо-таки какой-то лучисто-пленэрный, акварельно-тёрнеровский. В парках шелестела набирающая соки листва. Беззаботно летал невесомый тополиный пух. В чистом полдневном небе, ещё не утратившем утреннею колокольную звень, плыли, причудливо меняя очертания, легчайшие облака. Понизу и в выси парили озабоченные совсем другими проблемами стрижи. Извёстка и кирпич окрестных старых, в живописных трещинах, трёхэтажных домов, где грелись косиножки и другие представители местной мелкой фауны, вбирали в себя тепло неназойливого солнца. Из какого-то окна вырывалась кисея занавески вместе со звуками с грассирующим «р» романса Вертинского «*Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы? Куда ушёл Ваш китайчонок Ли?*». В другом же окошке, рядом с пухлым добродушным лицом бабы, допустим бабы Груни, облизывала лапы короткошёрстая серая кошка. «Газель» с продуктами возникла в конце улицы, как видение из советского кукольного мультфильма, и исчезла за углом, оставив дымок, который тут же растворился, как и сам автомобиль. Священна лень севрских амуров и нимф, испокон веков наполняющая в такое время дня старинные городишки, покоилась в тенях скверов, в ароматах цветов, в походках идущих вдалеке людей, в ворковании голубей, в сиянии

облупленных памятников, в вяло прыгающих – от низкого давления – струях фонтанов.

Но нынешнее событие не давало обывателям безмятежно плыть по реке забвения: удить рыбу, забивать козла, рвать щавель и любоваться божьими коровками. Жизнь настойчиво стучалась в ворота. Хотя, если начистоту, и раньше бывали похожие митинги – шумные, как массовые гуляния на масленицу, и страстно-безумные, как нероновские оргии. В благословенный час рабочего обеда и часового отдыха, люди неожиданно зверели и, выбрасывая вперёд кулаки, надрывно скандировали мантры-лозунги, подкинутые им вождями протестного движения. Теперь, однако, дело простым оранием не ограничится. Видимо, достали мэрию эти сиротинские импровизации с шестью бемолями. Закона знать не хочет. Собирает всякую сволочь, когда ему моча в голову вдарит. А тут ведь ещё вздумалось проявить инициативу не только ему, но и остальным его однопартийцам по всей огромной России. Мимо такого руководство пройти не может. И из центра, как из вселенского мозга, настойчиво поступают призывные импульсы – задушить заразу на корню.

И в самом деле, нельзя попустить этим акциям, которые неизвестно к чему могут привести. За океаном вон, только ждут-не дождутся, когда раскачается державная лодка. Так-то оно так. Но зачем же испытывать терпение нищего народа? Власть, конечно, имеет право обуздать анархические выплески толпы, но прежде всего она должна не доводить лю-

дей, жаждущих справедливости, до протеста, который может перерасти *в бунт бессмысленный и беспощадный*. Или не определил эту меру законодатель Ликург[22]? Но что власти до Ликурга, если она не читала Плутарха, и до идеалов социальной справедливости, когда она крепко повязана олигархической паутиной, и нет у неё желания порвать эти умертвляющие и государственное и мистическое тело России тенёта. Круг замкнулся? Или нет пока ещё? Ибо эти несанкционированные протесты бессознательно имеют своей целью расшевелить зажиревшую власть, показать ей, оторвавшейся от жизни, что, кроме неё, ещё существует народ со своим достоинством и пониманием исторического пути. Так что же вы, правители земли русской! Если в вас ещё живёт капля мудрости, срежьте с себя пагубную коросту, как бы это ни было болезненно, и встаньте одним целом со своим народом!.. Наивно. Кто меня услышит? А если услышит, не поймёт.

– Оскольников, – зло огрызнулся Мухин. – Ты чо закатил глаза на небо? Молишься, что ли? Или птичками наслаждаешься? Очнись. Генуэзская пехота пошла.

Как? Уже? Я только многозначительно присвистнул. Многоголовая и многорукая машина подавления бунтов пошла вперёд, рифлёными бутами безжалостно давя жужелиц, муравьёв и божьих коровок. О Боже, её не остановят даже про-

---

[22] Порядок в государстве обеспечивать не за счёт репрессивных мер, а за счёт устранения социальных противоречий.

бившиеся из асфальта ромашки-лютики! *«Ромашки спрятались, поникли лютики»,* как пела мудрая Ольга Воронец. На нашей тризне кто хлебнёт первач? *Плачь, муза, плачь!*

Всё потом вспоминалось мне как во сне. Какой-то хлыщ с майорскими погонами пытался переорать в матюгальник Сиротина. Впрочем, вскоре этого уже не требовалось. Глава партийной ячейки, видя, что начинается заваруха, собственным примером решил поддержать своих последователей. Теперь майор призывал уже людей, чтобы те прекратили противоправные действия, иначе они, согласно Кодексу об административных правонарушениях, могут быть оштрафованы или даже, в исключительных случаях подпасть под уголовную статью. Толпа ещё плотнее сгрудилась и ещё остервенелей окрысилась. Меня куда-то затянуло, засосало, как будто в коварную тину у деревни Блудищево, и Муха выпал из моего поля зрения, а потом, вообще, из сознания, как будто его никогда и не было. Последним признаком его существования, был его, срывающийся на фистулу и уносящийся в какое-то межзвёздное пространство голос, поющий *Варяга. «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг!»* Потом пошла мочиловка. Омоновцы профессионально действовали, орудуя дубинами, как мóлодцы с большой дороги. Сиротинцы сперва ловко отбивались от спецназа своим агитационным инвентарём. Но ребята в шлемах и со щитами были надёжно защищены, в том числе и архистратигом Михаилом, их небесным покровителем. Поэтому им не стоило большого труда, что-

бы расправиться с анархической, внутренне разношёрстной и мало идейной толпой, безжалостно сминая её. Вот уже кто-то показал спину и бросился бежать, но там его принимали под свои белые рученьки товарищи милиционеры. Мятущаяся в западне толпа уже меня не просто затягивала, а рвала, обсасывала, и молола, чавкая, как мясорубка. Я почти оглох от рыков этой толпы, имеющей инстинкты пещерных людей, а может, уже и рудименты ископаемых зверей. Я даже удивлялся, почему ни у кого ещё не отросли хвосты или рога. Хотя иногда казалось, что на голове у толпы рогатые шлемы викингов. Уж больно ритмично они ухали – ни дать, ни взять шведские хоккейные фанаты. Увы, результат помутнения разума. Но удивительно. Какое бы смятение не владело толпой, она была счастлива от какого-то пьяного экстаза, самозабвенно ищущей на свою голову и сломанных носов и выбитых зубов, и заплывших фиолетовых глаз. Какое-то мгновение, я сам поддался этому ничем необъяснимому мазохистскому скотству и варварству, и не знаю, куда бы меня занесло дальше, если бы вдруг, после очередного водоворота, меня не выплюнуло наружу. Я ощутил радость пространства и свободы, как птица, выпущенная из клетки. Стеснённые прежде лёгкие глубоко впитывали воздух. Сердце заработало равномернее, качая по артериям обновлённую кровь.

Лишённый, компрометирующей меня деревяшки, я, как ни в чём не бывало, пошёл в сторону, словно нечаянный прохожий, очутившийся возле битвы олимпийцев с титанами

ради праздного любопытства. Что тут удивительного? Ведь человек падок до массовых зрелищ, футбола там, гандбола. Вот я и того… Но тут до меня донеслось хриплый призывный окрик: – Эй ты, мудак! Что, съе…ся собрался? А ну шуруй сюда! Считаю до трёх. После выстрел по яйцам! Повторить?!

Остров бабочек. β

Дребезжащий и коптящий из всех дыр автобус семнадцатого маршрута, раздолбанный на ухабах отчизны, быстро мчал меня с западной части Кашкино в сторону юга к моей заповедной луговине. Салон был полупустым, потому что большая часть огородников выбралась на свои дачные владения ещё утром. Нынче же почти вечер – пять часов. Теперь они возвращались в Кашкино обратным рейсом на встречных автобусах, если не оставались на даче на ночь. В нашем автобусе тоже возвращались, только не с дач, а с работы в городе в Загородный парк или ещё дальше, в Сбитнево, в Сосны, в Чилуши. Меня можно было отнести ко второй группе, но лишь отчасти, так как я хоть и возвращался с работы в школе (хотя в июне в школе, что за работа!), но направлялся я не домой, а из дома. Зачем я еду на *Остров бабочек*? Раньше ездил за покоем, вдохновением, озарением. Теперь еду… за надеждой? Чтобы вновь увидеть Ирину? Наверно. Даже не наверно, а точно. Но будет ли она там? Хоть бы тётя снова её снарядила на сбор земляники! Но собирать она её могла и утром. Она же гостит. Как тут подгадаешь! А если всё же встречу, вдруг она посчитает, что я нарушил запрет не искать её, и отвернётся от меня как от незнакомого. Но почему она должна обязательно так посчитать? Может, я вовсе и не ищу встречи с ней, а только решил снова по-

сетить мою луговину. Я же ей говорил, что посещаю её довольно часто. Но кто знает, что может быть на сердце у женщины, которая знает себе цену! Ладно. Будет, что будет! Всё приму со смирением. Чего бы ни случилось, природа, куда я ныне и устремляю свои стопы, а вернее, колёса, которые к тому же и не мои, всегда выступит в качестве утешительницы. Ведь она и мать, и сестра… и возлюбленная? Какие неравноценные понятия! Мать, Сестра, Возлюбленная… Ох, уж эти мне возлюбленные! Сколько подчас от них коварства, лжи, вероломства! А ведь это одна из ипостасей Природы – Великой Матери. Допустим, это взгляд метафизический. Но и физического, поверхностного взгляда достаточно, чтобы в самом устройстве природы увидеть много страшного и порочного. *Как своенравен мир её дремучий! В ожесточённом пении ветров Не слышит сердце правильных созвучий, Душа не чует стройных голосов.* Сказал как-то поэт. И оказался прав. Природное начало – женское, по сути хаотичное. Мужское же начало – разумное, созидающее. Это культура и цивилизация. Только не нынешняя, ибо современная цивилизация во многом уже имеет не созидающее начало, а сокрушающее. А Природа, сколь текуча и хаотична она не была бы, всё-таки основа Жизни. Может быть, поэтому так сильны сейчас феминистические движения. Вместо Отца Творца (цивилизатора) они ставят Великую Матерь (природу). Но истина, мне кажется, посередине. И всё же, пока властвует дух гибельной цивилизации, чаша весов неравномерна, и по-

этому, нас, поклонников Природы, не за что упрекать. Пока. А там, если Великая Матерь исказит лик[23] (ведь она же многолика) Софии на лик Лилит, там должно опять возобладать мужское цивилизаторское начало.

Я оглядел пассажиров автобуса. Кроме меня и прилежных работяг с заскорузлыми руками и печатью вечной заботы на лицах в салоне находилась парочка влюблённых, белобрысая длинноногая девица и коренастый ниже её на полголовы пацан. Парочка предпочла не садиться, а стоять в середине, демонстративно обнимаясь, чем вызывала осуждающие взоры пассажиров. В их глазах так и читалось: парочка! – баран да ярочка. А чего их осуждать? Они же ещё молодые. Что с них взять? Сейчас у них праздник. Будни впереди. Пускай целуются-обнимаются, лишь бы землю предков любили. Да. У них всё впереди. А у меня позади?! Я вроде ещё мхом не оброс. Только будни у меня или праздник? Я тоже типа влюблённого. У меня тоже, если так можно выразиться, семь воскресений на недели. Ку-ку! Не пора бы утихомириться, вертопрах? Семейному человеку по статусу не положено влюбляться. Он обязан вкалывать с утра до ночи на благо семейного бюджета. Да ладно. Раскаркался! Что уж я на себя так наговариваю? Всё-таки не последний отщепенец. Некоторую ответственность перед семьёй имею. И кроме школы дополнительный заработок у меня есть. И хоть зовусь Дионисом, не скачу постоянно с праздными фавнами по лугам.

---

[23] «Но страшно мне: изменишь облик Ты…» А. Блок.

Я поглядел в окно с пробегающими лугами, где на горизонте зеленели сосновые леса. За дренажной канавой, обросшей по краю дудками разлапистого борщевика, стояли три кривые (покляпые) берёзы с шапками грачиных гнёзд. Над полями с тремя старыми бесхозными сенокосилками и двумя сеялками парили чайки и чибисы. Патриархальная святость. Вот уже и фонарные столбы закончились. Значит, на следующей остановке я выхожу. Сколько там на моих курантах?..

Как только дым автобусной гари растаял за спиной, я, ещё стоящий на обочине шоссе, глубоко вдохнул. Грудная клетка отрадно расширилась, ноздри затрепетали. Вот оно благотворное воздействие природы! Вместе со мою сошли две ягодницы, пожилые женщины, в платках и с бидонами. Громко говоря, что земляника в нынешнем году рано начала зреть, они перешли шоссе, с редко пробегающими автомобилями, и направились в сторону *Острова бабочек*. Я, повесив чемоданчик на плечо, неспешно поплёлся за ними.

… Ирина, ни дать ни взять, тургеневская героиня, сидела на подветренном месте в том же красном в белый горошек платье и с той же вплетённую в волосы голубой лентой и, кусая тростинку, читала книгу. Видимо, обладая боковым зрением (точно, бабочка!) она увидела меня ещё издалека и, мнилось, не выказывала удивления. Как будто, так и должно было произойти: что я должен был приехать не в субботу, а уже сегодня, во вторник. Когда я, еле сдерживая не то страх,

не то радость, подошёл к ней, она блеснула на меня синими сквозь блескучие стёкла глазами и совершенно спокойным голосом сказала:

– Хм. Представляете, я загадала желания, если вы придёте сегодня, то я, пожалуй, подружусь с вами. А если не придёте, то, значит, не судьба. Такая вот я легкомысленная штучка… Только что вы всё стоите? Ждёте моего приглашения? Ради бога, без церемоний. Мы же ведь находимся среди природы. А она отменяет условности этикета Китая эпохи Царства Тан. Слыхали о таком?

Я смирно сел рядом с ней, не смея заговорить, будто меня околдовали. Образовавшийся комок в горле не проглатывался. Ирина закрыла книгу и сложила её себе на колени. Это был роман модного Виктора Пелевина «Священная книга оборотня». Она опять серьёзно взглянула на меня и сказала:

– Только дружить. И не более того. Слышите?

И она покрутила из стороны в сторону указательным пальцем с небольшим ногтем. Но в её глазах я усмотрел еле уловимую смешинку, или мне это только показалось?

– Ну? Что же вы молчите? Или думаете, дружба с женщиной невозможна? Уверяю вас, возможна. Особенно когда ей хочется с пользой провести время отпуска. Вы как раз тот человек, который может меня занять.

Немого похоже на капризного ребёнка. Но я продолжал молчать. Всё никак не мог проглотить комок. Из-за этого,

наверно, я имел преглупый вид, но я ничего с собой поделать не мог. Я был парализован её обаянием. Её прекрасные глаза излучали свет, розовые ноздри тонко вздрагивали, серёжки с мелкими камешками в полуоткрытых ушах кокетливо блестели, а линия подогнутых коленей была так грациозна, что невольно казалось, что её прочертил итальянский карандаш. Спокойствие, которая эта молодая женщина распространяла вокруг себя, надёжно, словно панцирь, защищало её от всяких эмоциональных порывов извне, порывов, которые, между прочим, она же и порождала. *Опять фиалка гарцует в забрале, Заимствуя нимбы у святости.* Кажется, строка Андрея Зотова.

– А вы загадывали сегодня желание, чтобы увидеть меня? Не молчите же! Говорите. А то как-то глупо выходит. Я говорю, а вы молчите.

– Нет, – сделал я усилие над собой, чтобы заговорить. – Я желания не загадывал. Я только надеялся, что увижу вас.

– А вы счастливы, что я вам предложила дружбу? – радостно, как угодивший взрослым ребёнок, спросила она.

– Да. Я не смел об этом даже мечтать.

– Хм, все вы до поры до времени счастливы от дружбы.

Но тут Ирина спохватилась, что говорит уже ерунду, и серьёзно заявила:

– Вы должны понять меня за этот тон. Обжегшись на своём молоке, на чужую воду дуют.

– Вы были замужем? – неожиданно спросил я и немного

смутился.

– Да, представляете, была. И носила на этом пальце золотое кольцо.

Она мне показала правую руку, где на безымянном пальце мерцал большой перстень из серой бижутерии.

– А теперь приходиться носить такой перстень, чтобы аж издалека было видно, что вы свободны, – дерзко произнёс я, отчего-то ревнуя её к её бывшей замужней жизни.

– Дерзите, дерзите, – усмехнулась она. – Сами-то кольца не носите, а как пить дать, женаты. Разве не так?

– Допустим, – сквозь зубы проговорил я. – Но я не ношу кольца не из-за того, чтобы кого-то ввести в заблуждение по поводу моего семейного положения, а оттого, что не люблю носить всякие блестящие безделушки, кольца, перстни, цепочки, серёжки, браслеты. Мужчина всё-таки не сорока.

– Ну вот, – задумчиво произнесла Ирина. – Кое-что друг о друге мы уже узнали. С моей стороны, конечно, не очень хорошо заводить знакомство с женатым мужчиной. Но статус дружбы, обозначенной мной, оградит вас от возможных глупостей.

Мы немного помолчали. Вокруг расстилался луг, шелестящий травами, гудящий насекомыми, благоухающий цветущими злаками и цветами. Над головой вздымался купол безмятежного голубого неба, где пел звенящий гимн мирозданию невидимый жаворонок. Оказывается, жаворонки могут петь и вечером. Место, где мы сидели с Ириной, было

хорошо продуваемо, поэтому ни зной, ни комары особенно не донимали.

Я ещё раз взглянул на книгу.

– Вот, – сказала Ирина и показала мне книгу обложкой вперёд, чтобы я увидел имя автора. – Знакомлюсь с российской современной прозой.

– И нравится? – поинтересовался я, уже успевший прочитать несколько произведений этого современного Чаадаева, и ценившего его за своеобразное изложение материала, где особенно мне нравилось сопоставление мифологического элемента с реалиями пришибленной рыночной действительности, реалиями которой сам автор, будучи всё-таки русским писателем, независимо от позиционируемого им либерализма, едко высмеивал.

– И да, и нет, – ответила Ирина. – У Пелевина много чего навороченного, лишнего. Форма подчинена капризам его изощрённой игры, и ничтожно мало, в отличие от русской классики, подлинных чувств. Интересные мысли – да. Но не создаётся впечатление цельности. В некоторых местах просто устаёшь от его нелепых логических построений. Стоило ли, право, всё усложнять и запутывать, ради одной мысли, что мы живём в мире иллюзий? Доморощенный буддизм во всём этом. Хотя автор, несомненно, очень талантливый и оригинальный.

– Вы весьма категоричны в своих оценках, Ирина, – сказал я, впервые назвав её сегодня по имени.

– О, это да, – вдруг рассмеялась Ирина. – Критиканша из меня ещё та!

– Вы любите читать? – спросил я, растирая в пальцах пучок колосков ежи и поднося его к носу, чтобы уловить пресновато-травянистый запах.

– Да, люблю, – спокойно ответила она. – Когда есть время, всегда читаю.

– Это похвально, – одобрил я, сыпля размолотой ежой себе на джинсы. – Сейчас молодые люди мало читают.

– Ну вот, Дионис! – воскликнула она. – И вы туда же! Поймите же, сейчас время такое. Зачем осуждать? Надо верить, что всё вернётся на круги своя.

– Ну, раз это говорите вы, – улыбнулся я. – Так непременно и будет. А сейчас, Ирина, нам обязательно нужно прогуляться.

И я уверенно поднялся на ноги и оправил белую майку.

– Да, я тоже как раз об этом подумала.

С этими словами она положила роман в белую дамскую сумочку с блестяще рамой и застёжкой и, опираясь на мою руку, проворно встала. Хотя она, как только встала, сразу же ладонь отняла, я благословил те мгновения, в течение которых держал её за руку с крупной синей веной на запястье.

– Какая у нас нынче культурная программа? – весело спросила Ирина.

– Интеллектуальная беседа на свежем воздухе, – рассмеялся я. – Точнее продолжение её.

– А бабочек ловить уже не хотите? – лукаво улыбнулась она.

– А зачем, когда в руках у меня сейчас самый прекрасный образец.

– Ой ли! – наигранно воскликнула Ирина. – Дионис, то, что я рядом, это ещё не значит, что я в ваших руках.

– Ну, уж и помечтать нельзя, – шутя, упрекнул я.

– Не-ль-зя, – отчеканила Ирина и жеманно сжала губки.

– Сакраментальная фраза Воланда, – продолжал я в том же духе. – Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться.

– Вот именно. Ведь вдруг потом жалеть будете. А?

– Если я о чём-нибудь и пожалею, так это о том, что исполнение желания будет отложено на неопределённый срок.

– А вы хотите прямо всё сразу?

– Угу.

– Нет, уж, – смялась Ирина. – Сначала помучайтесь, а там видно будет.

Не плохо для начала, подумал я, это дружба уже начинает приобретать форму лёгкого флирта.

Мы уже брели по травам и вовсю шутили, свернув в трубочку идею интеллектуальной беседы.

– Кстати, – спросил я. – Тётя осталась довольна вашим собирательством?

– Конечно. Она вообще от меня без ума. Так. А куда мы направляемся?

– Никуда. Просто прохлаждаемся. Можно заглянуть на речку. Она вон в той стороне.

Я показал пальцем левее той просеки, которая вела в Загородный парк.

– Ага! Утопите меня ещё, – сказала Ирина и сделал забавный жест рукой, что-то типа нервного отмахивание от слепня. – Может, вы маньяк.

– Да, маньяк, – подыгрывал я девушке. – Давно можно было бы догадаться.

– А что до речки далеко? – спросила Ирина.

– Нет. Не дальше, чем до домов Загородного парка.

– Надо будет как-нибудь искупаться.

– Для меня это будет большим соблазном, – испуганно воскликнул я и закрыл ладонями глаза.

– А вы мечтаете, что я купаться при вас буду? – фыркнула она.

– Даже не надеюсь. Но я буду незаметно подсматривать за вами, – сказал я громким шёпотом. – Вы даже не заметите.

– Фи, какой вы извращенец. Клинический случай. Это, между прочим, называется вуайеризмом.

– Так, уже пошла сексологическая терминология. Замужний опыт пошёл вам явно на пользу.

Она на минуту задержалась с ответом, видимо, что-то прикидывая. Потом единым духом выпалила:

– Если будете меня задевать, то вскоре пожалеете об этом.

В интонации Ирины я неожиданно для себя услышал нот-

ку раздражения. Срочно нужно было менять тему. Как раз на моё счастье над лугом пролетал Ан-2. Надсадно гудя и вращая лопастями допотопного пропеллера и этим напоминая работу таких же допотопных комнатных вентиляторов, кукурузник делал разворот, открывая взору брюхо фюзеляжа с не убираемыми шасси и нижние плоскости спаренных крыл. Внимание своенравной девицы сразу переключилось на него. Она закинула голову и помахала ему рукой.

– Герои полярники летят покорять северный полюс, – пошутил я. – Пожелать им счастливого полёта никогда не лишне.

– Не остроумно, – отреагировала Ирина. – Я всегда либо поездам, либо самолётам машу рукой. Эта привычка у меня с детства.

– Машете даже тем, которые летят на уровне облаков?

– Слушайте, что-то вы много говорить стали, – серьёзно сказала она.

Мда. Уросливая, как необъезженная лошадь. То её занимать нужно, то молчать в тряпочку. Но чтобы нам не поссорится, я решил благоразумным для себя не спорить с ней.

– Извините. Я, правда, не хотел вас обидеть, – промямлил я, стыдясь своего малодушия.

Ирина не ответила. Она о чём-то думала. Вдалеке, где находилось высокотравье, начал «бить» перепел. Вскоре к нему присоединился другой. Мы стояли совсем близко друг к другу и, казалось, наши фигуры вырастали из самой земли,

словной рослые стебли диковинных трав, и отбрасываемые нами тени сливались в одну. На мгновение мне показалось, что нас что-то объединяет, или, по крайней мере, должно объединять, только мы этого отрадного факта, ещё не уразумели. Мне вдруг захотелось сделать к ней шаг навстречу и заключить её свои в объятия, крепко, нежно, цепко! Я смотрел на неё с напряжением. И ждал, что она скажет.

– Хорошо, – наконец прервала она молчание, понизив голос. – Давайте договоримся так. Мы не должны больше так легкомысленно вести себя. Не должны!

– А что должны? – не удержался я, чтобы не задать этого каверзного вопроса.

Она странно поглядела на меня. Я отчётливо увидел, что она злится. Только не понятно на кого, на меня, или на саму себя?

– Вообще, не нужно нам было… сходиться, – раздумно ответила Ирина.

– Ирина, вы меня пугаете, – и чуть слышным голосом сказал я, и тут же докончил. – Не отнимайте у меня надежды.

– Ох, – вздохнула она. – Ну поймите же! Вы женаты. И говорите, чтобы я у вас не отнимала надежды. Горе луковое… Это я не про вас. Это я про себя.

Неспешно ступая рядом ней, я понимал, что, в сущности, Ирина права. Надо сразу и грубо оборвать нить. Чем болезненней ощущение, тем эффективней следующая за ним анестезия. Недалеко собирали землянику ягодницы из автобуса.

Нагнувшись, они споро и радостно работали руками.

– Дионис, поймите, – вдруг необычно сочувственно проговорила Ирина. – Всё это до добра не доведёт.

Она остановилась, сняла очки с овальной оправой, подышала ни них и протёрла подолом платья. Потом двумя руками надела. Опять глубоко вздохнула и проникновенно воскликнула:

– Как всё-таки здорово жить на свете! Сколько всего много интересных вещей на земле! Ну, зачем я вам нужна? Я же знаю, что вы не примитивный Ловелас, который лишён истинной привязанности. Зачем вы взращиваете в себе глубокое чувство? Вы только сами потом изведётесь. Честное слово, мне вас жалко. Боже мой, какое у вас сейчас несчастное лицо! Умоляю, не переживайте так! Я этого не выдержу. Нельзя всё принимать так близко к сердцу. Дионис, милый, всё будет хорошо. Я больше не буду ходить на этот луг, и вы меня забудете. Тем более через месяц я уеду. Я для вас буду только сновидением. Занимайтесь вашим любимым делом, читайте книги, слушайте хорошую музыку, больше бывайте в семье, и ваша рана исцелится. Правда– правда. Вот у меня тоже была подобная ситуация. Хотела руки на себя наложить, а теперь видите? Господи, да что же я вам всё это говорю, будто вы сами не знаете? Фу-у! – Ирина дунула на прядь, которая упала ей на лоб. – Да что вы стоите как столб? Я вас хоть немного убедила?

Она выжидающе посмотрела на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.